
СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.014:913

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-604-613

О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СУБСТАНЦИОНАЛЬНОЙ, РЕЛЯЦИОННОЙ И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИЙ ПРОСТРАНСТВА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ГОРОДА

Прокофьева Алена Викторовна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Активизация урбанистических исследований сопровождается разнообразием подходов, при этом по-прежнему остается неоднозначной трактовка одной из ключевых категорий — категории пространства. В условиях многоаспектности самого феномена городского пространства и, следовательно, его статуса — предметного поля нескольких дисциплин представляется необходимым анализ философских концепций пространства в их соответствующем социологическом преломлении. В статье представлен анализ субстанциональной и реляционной трактовок пространства, их сравнение, рассматриваются особенности применения каждой из этих интуиций пространства к анализу городского пространства. Следствием субстанциональной трактовки пространства в социальных науках является пространственный детерминизм и игнорирование как действующего субъекта, так и социальных фактов. Более продуктивным для социологии города представляется синтез реляционной и эпистемологической (кантовской) трактовок пространства. Первая позволяет анализировать город как топологический объект, находящийся одновременно и в физическом, и в сетевом пространстве и зависящий в своем существовании от сохранения конститутивного ядра как отношений самого города с другими топологическими объектами, так и отношений между составляющими его элементами. Кантовская концепция пространства, взятая за основу социологии в понимании городского пространства, ориентирует на использование арсенала понимающей социологии при анализе смыслов, которыми наделяют пространство действующие субъекты. Соединение данных подходов позволяет, с одной стороны, уйти от проблемы пространственного фетишизма — логического следствия субстанциональной трактовки, что представляется значимым для социологической трактовки города (и его пространства) как социального феномена. С другой стороны, не исключать пространство как категорию из предметного поля социологии в силу его несоответствия в субстанциональной трактовке критериям социологии. Оба подхода позволяют связать между собой пространство, субъекта, действующего интенциально по отношению городскому пространству и содержащимся в нем объектам в соответствии с субъективными смыслами, и социальные факты, конструируемые индивидами в своем повседневном бытии и оказывающие на них обратное влияние.

Ключевые слова: реляционная концепция пространства, субстанциональная концепция пространства, городское пространство, социология пространства, урбанистические исследования.

ABSOLUTE, RELATIONAL, AND EPISTEMOLOGICAL CONCEPTIONS OF SPACE AND THEIR USE FOR THE SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF A CITY

Alyona V. Prokofyeva

Perm State University

Active development of urban studies is accompanied by the emergence and promotion of the diversity of approaches. Meanwhile, interpretation of one of the key categories — the category of space — still remains

controversial. Taking into account the complexity of the phenomenon of urban space, and hence its status of a subject field of multiple disciplines, it is necessary to carry out the analysis of philosophical concepts of space in their respective sociological refraction. The article presents the analysis of the substantial and relational interpretations of space, their comparison, describes the use of each of these intuitions of space in the analysis of urban space. The result of applying the substantial interpretation of space in social sciences is spatial determinism and ignorance of the social actor and social facts. It seems that a synthesis of relational and epistemic (Kantian) interpretations of space appear to be more productive for urban sociology. The first allows one to analyze a city as a topological object that is simultaneously in physical and online spaces, and dependent in its existence on the conservation of the constitutive core of the relationship between the city and other topological objects, as well as relations between its constituent elements. Following Kant's concept of space, which formed the basis of sociology in understanding of urban space, scholars focus on the use of the arsenal of interpretive sociology in the analysis of the urban space meanings for actors. Combination and use of these approaches, on the one hand, allows for getting away from the problems of spatial fetishism, being the logical consequence of the substantial interpretation, which seems significant for a sociological interpretation of the city (and its space) as a social phenomenon. On the other hand, it allows us not to exclude the space as a category of the subject field of sociology because of its substantial inconsistencies in the interpretation of the criteria of sociology. Both approaches make it possible to establish a harmonious link between the space of the subject, the current intention in relation to the urban space and its contained objects, in accordance with the subjective meanings and social facts that are constructed by individuals in their daily existence and providing a feedback effect.

Keywords: relational conception of space, substantial conception of space, urban space, sociology of space, urban studies.

Введение

Актуальность философских оснований анализа городского пространства связана как со сложностью самого феномена, так и с современной урбанистической теорией, к которой на данном этапе ее развития предъявляется требование междисциплинарности. По Е. Трубиной, современное состояние городских исследований свидетельствует о том, что «урбанистическая теория возможна только как междисциплинарная теория» [1, с. 9]. Такой подход представляется продуктивным и вписывается в постнеклассический тип научной рациональности с его акцентом на междисциплинарные комплексные исследовательские программы, в которых специалисты из разных областей знания анализируют «человекоразмерные» объекты. В комплексе дисциплин, занимающихся анализом города и его составляющих, на данный момент наблюдается обилие теоретико-методологических подходов и направлений исследований, что связано как с разнообразием общественных отношений в городе, так и с усложнением самого феномена города. Все это требует критического осмыслиения методологического аппарата городских исследований, который в условиях сложности самого феномена и междисциплинарности его анализа должен быть построен на философских основаниях. Анализ названных философских подходов изучения пространства в качестве методологических оснований урбани-

стических исследований позволит сформулировать принципы их применения в социологическом анализе городского пространства.

В философии категории «пространство» и «время» обозначают формы бытия материальных феноменов. Первая категория призвана отражать их сосуществование (в пространстве), вторая — продолжительность их существования, кардинальные изменения в их качестве (развитие). Представления о пространстве и времени являются основой любой научной и ненаучной (религиозной) космологии, конструируют картину мира. Пространство, основополагающая категория не только философии, но и целого ряда отраслей научного знания, тем не менее понимается в них весьма абстрактно, что делает возможность сопоставления содержания данной категории в различных науках затруднительным. Кроме того, в результате развития наук трактовка пространства (или ее отсутствие) не воспринимается большинством научного сообщества как проблематичная. Это может касаться как сложившихся еще на заре становления в той или иной науке трактовок пространства, которые последующими поколениями ученых принимаются «как само собой разумеющееся знание», как это случилось, например, в географии. В социологии же в поздний классический период в силу методологической установки на социологизм произошло вытеснение на периферию или полное исключение категории пространства из социологического знания. На это об-

стоятельство А.Ф. Филиппов в приведенном в «Социологии пространства» систематическом обзоре работ С. Лаймена и М. Скотта, Ф. Лехнера и Дж. Урри указывает, что социологи знают, что деятельность пространственна, а социальные практики оформлены пространственными паттернами, однако не уделяют данной категории достаточного внимания [2, с. 18]. Если классики социологии (Г. Зиммель, Э. Дюркгейм, Р. Парк) могли рассуждать о значении пространства, о территориальных аспектах социальной жизни, то в дальнейшем в социологии «непосредственное отношение к пространству, интерес к контактам и очевидным местоположениям перестал быть не только теоретическим, но и каким бы то ни было *научным интересом*». Пространство в социологии воспринимается как определенная характеристика, которую необходимо учитывать в анализе социальных процессов, но никто из социологов не ставит проблему пространства в центр своей концепции («за исключением Э. Гидденса и Дж. Урри») [2, с. 23]. Понимание того, каким образом формировалось содержание основных категорий науки, какие стратегии избирались ее основоположниками для захвата научной легитимности, а также каким образом определение междисциплинарных границ и характера взаимодействия с другими науками и в первую очередь с философией, повлияло на содержание основных понятий — весьма полезно для дальнейшего развития науки.

В целом в философии и науке можно выделить два основных подхода к трактовке пространства: *субстанциональную* и *релятивистскую* (*реляционную*). Кроме двух указанных трактовок, которые швейцарско-немецкий социальный географ Бенно Верлен также именует как *ньютоновско-декартовскую* и *лейбницевскую* соответственно, он выделяет третью — *кантовскую* [3]. Эти три философские интуиции пространства представляются ему необходимыми для понимания причин пространственного детерминизма в современной географии, мы будем использовать их для систематизации представлений о городском пространстве в социологии города.

Субстанциональная трактовка пространства (Р. Декарт, И. Ньютон)

В рамках *субстанциальной* концепции пространство, как и время, представляет собой особую сущность, оно существует само по себе, независимо от материальных объектов и процессов. Данный подход встречался уже в античности, в

частности в учениях атомистов Демокрита и Эпикура о пустоте. Классическое свое завершение он получил в логике пространства И. Ньютона и Р. Декарта, мыслителей Нового времени, для которых было характерно стремление противопоставлять себя схоластической традиции, во многом опиравшейся на понятия и методы Аристотеля. Аристотелевская трактовка пространства как «места», как структуры и системы сосуществования всех мест ближе к противоположной для субстанциональной, реляционной трактовке.

Р. Декарт приравнивает пространство к протяжению, выступающему главным атрибутом пространства, через который оно познается, и отождествляет его с материей, независимой, т.е. существующей сама по себе. Пространство возводится Декартом в ранг сущего, и поскольку оно приравнивается к телесной субстанции, не может представлять собой ничто. Кроме того, пространство, как доказывает Декарт, отвергая идею атомизма, бесконечно делимо, хотя и не проницаемо для других частей пространства [4, с. 352–357].

У И. Ньютона пространство рассматривается как независимое от находящихся в нем тел и существующее прежде них. Однако вопрос об онтологическом статусе пространства вызывает затруднения: пространство не является ни телесной субстанцией, ни атрибутом, но некоей присущностью (*affectio*) всякого сущего. В «Математических началах натуральной философии» и «Оптике» бесконечное и вечное пространство предстает как необходимое проявление божественной сущности, отличное от нее (поэтому и абсолютное пространство без тел не есть пустота) [5, с. 30–33]. Пространство у Ньютона — своего рода субстанция сотворенного физического мира, из которой Творец производит тела посредством «закрытия» некоторых частей пространства. Бесконечное пространство, таким образом, выступает у Ньютона божественным чувствищем, *sensorium Dei*, в котором Бог непосредственно видит и воспринимает все вещи.

Абсолютная или субстантивистская интуиция пространства по сути сводится к существованию пространства, независимого от происходящих в нем явлений и существующих вещей. Б. Верлен довольно критически относится к данному подходу применительно к социальной географии, утверждая, что итогом философских споров о пространстве стала невозможность поддерживать субстанциональную его трактовку. Опуская подробный разбор контраргументов субстанциональной трактовки, он предлагает своеобразный

мыслительный эксперимент: «Если бы “пространство” было объектом, т.е. пригодным для исследования объектом, тогда мы могли бы указать на место пространства в физическом мире. Но это невозможно. Пространство не существует как материальный объект или как (содержательный) теоретический объект» [3, с. 33]. Верлен видит в качестве проблемы современной социальной географии, чьи исследовательские интересы во многом пересекаются с социологией города, пространственный детерминизм в анализе соотношения «пространства», «общества» и «субъективности». Причиной того, что географы принимают «пространство» или «ландшафт» не просто как объект, но как причину, детерминирующую социальные процессы, является приверженность субстантивистской интуиции пространства. Даже несмотря на явную попытку переориентации современной социальной географии на возвращение субъекта и на более адекватные модели объяснения социальных процессов, по его мнению, субъективность, человеческая деятельность и социальные факты так или иначе редуцировались к пространственным категориям. Необходимость постановки трактовки пространства в социальной географии на «социологические рельсы», а именно с опорой на теории действия, сближает современную проблематику этой науки с социологической, в которой, в свою очередь, ряд авторов актуализировали необходимость возврата к анализу пространства как социологической категории.

Применительно к социологии города, столь сильно критикуемая субстанциональная интуиция пространства оказывается довольно «живучей» [6]. Мысли в логике Декарта и Ньютона, город и пространство могут рассматриваться как отдельные категории, т.к. город может располагаться «в» пространстве. Для самого городского пространства может быть использована метафора аквариума, заполненного городской средой с физическими (инфраструктурой) и социальными объектами (людьми). Абсолютизация идеи пространства приводит в конечном итоге к пространственному фетишизму (Б. Верлен), в том числе и в урбанистике, когда значимыми представляются не те располагаемые в пространстве неживые объекты (городская инфраструктура) и живые объекты (индивидуи и их действия) и их соотношение, а само пространство. Не считая узости и однобокости данной трактовки, не очень понятно, какие объяснительные модели она может предложить как для социологии города, так и для урбанистики в целом. Города, таким образом, представляются

даже не средоточием людей, в них проживающих, или объектов, артефактов, созданных культурой, но просто протяженностью, пространством-контейнером.

Эпистемологическая трактовка пространства (И. Кант)

В философии Нового времени наряду с субстанциональной трактовкой, пространство рассматривается не только «объективно», как связанное с физическими телами, но и «субъективно», как продукт сознания или восприятия. Подобной интерпретации придерживались Т. Гоббс с его идеей пространства как воображаемого образа существующей вещи и Дж. Локк, для которого пространство — субъективная идея расстояния между вещами или объема, синтезируемая чувственным восприятием вещей. В философской системе И. Канта пространство и время выступают априорными формами чувственного восприятия, благодаря которым упорядочивается наше созерцание [7, с. 403; 8, с. 144]. «Пространство не является эмпирическим понятием (Begriff), полученным в результате абстрагирования от внешнего опыта. Пространство — это необходимое представление и, следовательно, оно априорно» [3]. Под подобную форму чувственности наше сознание всегда подводит материал чувственного восприятия, и именно благодаря ей и становятся возможны априорные синтетические суждения математики (геометрии), необходимость и универсальность которых обеспечивается априорностью пространства. Пространство как трансцендентальная категория позволяет нам воспринимать мир как пространственный, оно часть нашей «внутренней оптики», упорядочивающей наш мир.

Развитие трансцендентально-субъективистской концепции пространства И. Канта можно найти в феноменологических исследованиях пространства в форме двух парадигм: парадигмы телесности (Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти) и парадигмы значимости (М. Хайдеггер) [9, с. 211]. Первая ставит ориентированность пространства в зависимость от телесности субъекта, тело которого является центром оси координат, относительно которого выстраиваются все пространственные разделения: «здесь – там», «близкий – далекий», «правый – левый», «верх – низ» [9, с. 214]. В рамках парадигмы значимости смысл изначальной пространственности «тут-бытия» задается pragматическими возможностями той или иной ситуации жизненного мира, а именно тем, что оказывается в манипулятивной зоне действующего субъекта. В феномено-

логической социологии А. Шюца индивидуальные перспективы зависят от местоположения субъекта, его «здесь-и-сейчас», при этом предпосылка взаимности перспектив позволяют говорить от том, что знание места не индивидуально, это разделяемое участниками знание. «Место имеет смысл, и знание места есть знание этого социального смысла» [2, с. 142].

Применительно к социологии пространства и к социологии города эта, названная Верленом «эпистемологической», интуиция пространства говорит о невозможности его анализа отдельно от наблюдателя, познающего субъекта, и от субъекта действующего. В социологическом анализе значимой становится проблема смыслов, которыми наделяется пространство в целом и городское пространство в частности. В рамках социологической теории априорные категории пространства и времени признаются социальными. Э. Дюркгейм настаивает на социальном происхождении общих людям определенного положения и культуры форм мировосприятия и категорий, приводя примеры того, как люди, принадлежащие одной «цивилизации», понимают пространство схожим образом. Г. Зиммель отмечает важность для социологического анализа понимания того, как представляют себе пространство сами взаимодействующие. Город, таким образом, является результатирующей тех смыслов, которыми наделяют его социальные группы, населяющие город. Представление о том, что каждая из этих групп отстаивает собственные, зачастую противоположные, интересы, открывает широкие возможности для теоретизирования в этой области — начиная от неомарксистских идей производства пространства А. Лефевра и его последователей, целого корпуса исследований политической борьбы городских элит в области социологии власти и заканчивая феноменологией городского пространства и исследованиями восприятия городского ландшафта К. Линча.

Реляционная трактовка пространства (Г.В. Лейбниц, А. Эйнштейн)

Субстанциальному подходу в трактовке пространства и времени в истории философии и науки противопоставляется *реляционная* концепция пространства и времени. Определенный ранний вариант реляционной трактовки пространства мы можем найти у Аристотеля в связи с его трактовкой понятия «место». Аристотелевский тезис «природа боится пустоты» предполагает анализ пространственной характеристики тела, его «ме-

ста». Место не есть ни материя, ни форма, ни протяжение, но то, в чем помещается тело. Место пространственно, то есть трехмерно, и обладает некоей силой, обуславливающей движение относительно него, само при этом являясь неподвижным. Всякое тело движется к своему естественному месту, в котором тело покоятся, целый космос в связи с этим трактуется как система естественных мест. Один из крупных отечественных социологов А.Ф. Филиппов в своей работе «Социология пространства» говорит о значимости различия и соотнесения понятий «место» и «пространство» в том числе и в рамках городских исследований¹. Кроме того, позиция Аристотеля представляется значимой для понимания пространства в социальной теории потому, что место в его системе мыслится неразрывно связанным с телом. В данном случае вновь можно обратиться к позиции Б. Верлена, активно выступающего за социологическую интервенцию концепции социального действия в социальную географию. Как здесь сочленяются место (пространство), тело и действие? У Верлена эта связка осуществляется следующим образом: раз действие предполагает действующего, а действующие обладают телом, то и подход, основанный на центральном положении действия, обладает определенной «материальностью». Действие, протекающее в пространстве, обладающем определенными объективными, материальными характеристиками, совершается индивидом, обладающим телом, также материальным по своей природе. При этом важно подчеркнуть, что действие трактуется не в бихевиористском ключе (для которого более активно используется понятие «поведение») как реагирование на стимулы внешней среды, а как обладающее смыслом и интенциональностью. Эти два обстоятельства позволяют акторам избегать «поглощения» пространством, которое в бихевиористском подходе получало бы интерпретацию среды, полной стимулов, на которые требуется реагировать, а сам актор лишился бы самостоятельности. Бихевиористская трактовка пространства также ведет к пространственному детерминизму, тогда как остальные составляющие —

---

¹ Пространство может трактоваться либо как
а) определенное место (нечто обозримое и включающее в себя тела), либо как б) место, включающее множество мест, либо как в) совокупное пространство, так сказать, «пространство с большой буквы», в котором только и обнаруживаются все возможные места, т.е. пространство как идея [2, с. 52].

действующий субъект и социальное — лишаются объективного статуса и детерминирующей силы.

Другая значимая для реляционной трактовки пространства позиция выражена взглядами Г.В. Лейбница, полемизировавшего с С. Кларком, представляющим взгляды И. Ньютона по вопросам о сущности пространства и времени. Лейбниц настаивал на том, что пространство и время не существуют сами по себе, отдельно от объектов и процессов, а лишь представляют собой особые отношения между ними. Понятие пространства выражает лишь рядоположенность физических объектов, есть только отношение и порядок существования как действительных, так и возможных явлений и вещей [10, с. 441] «*Пространство — вообще ничто без тел, но оно есть возможность их размещения.* (Лейбниц)» [3]. Если применить логику Лейбница к городскому пространству и довести ее до логической крайности, то городское пространство не может существовать вне горожан, его населяющих, вне урбанистических процессов, в нем протекающих, и объектов городской инфраструктуры, в нем размещенных. Говорить о городском пространстве отдельно от всего этого представляется бессмысленным и с практической, и с теоретической точек зрения.

Достижения современной науки (неевклидова геометрия, теория относительности и др.) во многом усилили именно реляционный подход к пониманию пространства и времени. В этом плане в первую очередь надо выделить достижения физики XX в., а именно создание теории относительности А. Эйнштейном. Специальная теория относительности доказала, что в реальном физическом мире пространственные и временные интервалы меняются при переходе от одной системы отсчета к другой. Теория относительности показала, что при увеличении относительной скорости движения системы отсчета (близкая к скорости света) пространственные интервалы сокращаются, а временные растягиваются. Теория относительности обнаружила еще одну существенную сторону пространственно-временных отношений материального мира — глубокую связь между пространством и временем, показав, что в природе существует единое пространство-время. В специальной теории относительности А. Эйнштейна пространство является четырехмерным пространством Минковского (время может быть принято за минимую пространственную координату) и представляет собой псевдоевклидово многообразие, в котором находятся различные физические

поля. Концепция единого пространства-времени была воспринята и другими, в том числе гуманистическими науками; определенный интерес для нас в данном случае представляет понятие «хронотоп». Данное понятие было введено физиологом А.А. Ухтомским и означало «закономерную связь пространственно-временных координат», в контексте человеческого восприятия предполагалось, что «с точки зрения хронотопа, существуют уже не отвлеченные точки, но живые и неизгладимые из бытия события» [11, с. 342–347]. Затем понятие «хронотоп» было инкорпорировано в литературоведение М.М. Бахтиным и получило распространение в истории и культурной антропологии (А. Гуревич) и социальной психологии, в которой оно трактуется как некоторая характерная коммуникативная ситуация, повторяющаяся в определенном времени и месте (например, хронотоп больничной палаты или хронотоп школьного урока). В социологии города своеобразное преломление концепция хронотопа получила в работе «Образ города» К. Линча, создателя метода ментального картографирования города. При этом «Образ города» — это анализ городского хронотопа не с позиции профессиональной установки, а с позиции человека, живущего в городе и воспринимающего формы его среды [12]. Города — это продукт деятельности многих людей, постоянно изменяющих их структуру, в котором не может быть статичности, а есть непрерывная последовательность состояний. «Будучи сформированным, образ начинает ограничивать круг воспринимаемого в нем, сам же он постоянно испытывается в столкновении с отфильтрованными через него впечатлениями в процессе неустанного взаимодействия» [13, с. 15].

Специальная и общая теории относительности указали не только на связь пространства и времени между собой, но и на их связь с состояниями движущейся материи, характером поля тяготения и взаимным расположением тяготеющих масс. В городе метафоричное искривление пространства и изменение хода времени можно наблюдать в трансформации одних мест на другие при изменении количества участников или самих объектов городской среды. Выход определенного количества горожан на площадь или эспланаду, равно как и добавление в эти места определенных объектов (festивального городка, открытой концертной сцены или трибуны для публичных выступлений) может трансформировать это место в публичное. Несомненно, что рефрейминг места будет напрямую связан с наделением его другими

смыслами, однако и количество участников будет играть определенную роль. Иллюстрацию этого принципа мы можем найти у Л. Лофланд, описавшей превращение одного из того же пространства в частную местно-локальную или публичную сферу. Превращение частной резиденции в дом-музей с экскурсиями, бронирование ресторана под частное обслуживание семейного торжества, организация свадьбы в пространстве открытого парка — все это примеры переключений между сферами — от придания статуса публичности до создания внутри публичной сферы «пузырей» приватного [14]. Так она описывает, используя понятие «путешествующие стаи» (*traveling pack*), ситуацию, когда достаточно большая группа хорошо знающих друг друга людей и имеющих устойчивую идентификацию с группой может создавать «пузыри» приватного в публичном пространстве. Их достаточное число, и личные связи между собой создают ситуацию защиты и взаимной поддержки, порождающей самоуверенность таким образом, что их поведение может существенным образом отличаться от других людей, находящихся в этом пространстве. Например, именно достаточное количество участников и интенсивность их общения позволяет группе подростков превращать публичное пространство аэропорта в свою местно-локальную территорию, навязывая окружающим свои образцы поведения.

Реляционная концептуализация пространства порождает не-физическую и не-географическую модель мышления о городе [6]. Поскольку пространство в такой трактовке лишается не только причиняющей силы, но и онтологического статуса, являясь лишь характеристикой соположения, сосуществования тел, это открывает перспективы для рассмотрения города как топологического объекта. Именно подобным образом рассматривает город ключевой теоретик пространства в акторно-сетевой теории Дж. Ло. Города не находятся в пространствах-контейнерах, они сами являются пространственными объектами, понимание чего диктует нам необходимость рассмотрения как порядка отношений, составляющих их элементов, так и их соотношения с другими объектами вне пределов его географической локации (с другими городами и поселениями иного типа, аэропортами, границами, природным ландшафтом и т.д.). Можно предположить, что некоторые города в большей степени определяются своими внешними отношениями, а некоторые — внутренними. Образование провалов на стратегически важном для города месторождении или банкрот-

ство градообразующего предприятия могут привести в перспективе к его исчезновению в том случае, если город конституируется в первую очередь внутренними отношениями. Есть города, «как правило, крупные столичные мегаполисы, непрерывно меняющиеся внутри, но сохраняющие свое положение в отношениях с другими городами, регионами, центрами силы» [6].

Смерть и жизнь городов как сетевых пространственных объектов обуславливается сохранением или потерей непрерывности формы. Согласно Дж. Ло, «объекты представляют собой эффект некоторых устойчивых множеств или сетей отношений. Наше фундаментальное допущение таково: объекты сохраняют свою целостность до тех пор, пока отношения между ними устойчивы и не изменяют своей формы» [15]. К примеру, каков был разрыв формы как внутренних, так и внешних отношений, приведший к потере Детройтом статуса «автомобильной столицы мира» в последней четверти XX в.? Сеть отношений, конституировавших Детройт, видоизменилась как на макроуровне из-за нефтяного и энергетического кризисов 70-х гг., переноса крупными корпорациями своих промышленных производств в Азиатско-Тихоокеанский регион, так и на мезоуровне — из-за окончания крупных и длительных военных конфликтов, которые обеспечивали город правительственные военные заказами, и антивоенных стачек и забастовок американских профсоюзов, и на микроуровне — из-за субурбанизации, ставшей итогом массовой автомобилизации населения, финансового упадка в силу отъезда платежеспособного населения, и геттоизации городского центра. Если в случае Детройта изменение сети внешних и внутренних отношений, социальных и пространственных составляющих города (перенос производств, сокращение прибылей и инвестиций, пространственные изменения в самом городе, изменение состава населения) привело к «негомеоморфному преобразованию топологической формы города» [6, с. 28], то в случае с Лондоном XVII в. подобного морфогенеза не произошло. Видоизменение его пространственных границ, массовая вспышка чумы (Великая чума 1665–1666 гг.), уничтожившая одну пятую часть населения города, Великий лондонский пожар 1666 г., нанесший серьезный урон инженерной и социальной городской инфраструктуре (уничтожено 60 % жилых домов и 87 церквей), несмотря на масштабность последствий, не задели конститутивное ядро отношений. Казалось бы, из-за таких масштабных потерь внутрен-

него характера должен был произойти «разрыв формы». Однако поскольку более значимым оказалось сохранение положения во внешней сети отношений с другими городами Великобритании и другими регионами и странами, после сравнительно небольшого периода восстановления Лондон не просто продолжал оставаться британской столицей, но и утвердился к концу XVII в. как один из самых крупных финансовых центров Европы. Таким образом, город существует как в пространстве географическом, так и в пространстве сетевом, что позволяет ему оставаться собой до тех пор, пока сохраняются их устойчивые внутренние и внешние отношения, включающие в себя как социальные, так и физические объекты. В такой трактовке городское пространство представляется многомерным, сложным явлением, требующим реляционного понимания. Городское пространство и его качества есть результатирующая коллективных действий по созданию мест, которая включает различные человеческие и нечеловеческие актанты и отношения между ними. Такое понимание городского пространства включает в себя и связь между ситуациями (жизненного мира) и их восприятием (субъективным и интерсубъективным) субъектами действия. Вместо того чтобы рассматривать пространство как «контейнер, в котором мир продолжается», синтез реляционной и феноменологической концепции пространства позволяет видеть его, с одной стороны, в качестве продукта действия социальных, субъективных и физических составляющих, а с другой стороны, в качестве условия и фактора протекания действия и взаимодействия как между субъектами, так и между человеком и средой.

Выводы

Подводя итог рассмотренным концепциям и подходам, следует отметить неразрывную, но не всегда рефлексируемую исследователями-социологами связь между философскими подходами к трактовке пространства и социологическими принципами анализа городского пространства. Субстанциональная, реляционная и эпистемологическая (кантовская) трактовки пространства находят свое воплощение и в социологических подходах к рассмотрению пространства города. Субстанциональная концепция пространства является довольно распространенной в социологической теории, поскольку, по мнению А.Ф. Филиппова, в анализе городского пространства социологам крайне сложно отказаться от метафоры пространства-контейнера. Несмотря на

это, метафора не представляется нам достаточно плодотворной, поскольку ведет к игнорированию роли действующего субъекта, что довольно парадоксально для социологии. Однако и в этой области наблюдаются некоторые сдвиги, в частности в рамках теории информационного общества. Так, М. Кастельс предлагает рассматривать город скорее как «пространство потоков», а не «пространство мест». Этот подход имеет свои корни в реляционистской трактовке пространства, которая представляется нам более перспективной. Еще одно интересное воплощение она получает в рамках социальной топологии Дж. Ло и рассмотрении в рамках данного подхода города как топологически множественного объекта. Этот новый подход, смешающий анализ на сети и потоки, представляется перспективным, поскольку дает новые возможности для исследования, одновременно возвращая к важным методологическим вопросам и обогащая понимание предмета науки. В силу специфики самого городского пространства в его связи с социальным плодотворным представляется и эпистемологическая трактовка пространства И. Канта. Данный подход Канта нашел свое воплощение в концепциях Г. Зиммеля и Э. Дюркгейма на классическом этапе становления социологической теории. Однако и по сей день он не теряет свою актуальность, поскольку мы наблюдаем регулярное возвращение к работам Г. Зиммеля в рамках урбанистической социологии. Именно соединение лейбницевской интуиции пространства с кантианской позволяет в анализе города гармонично связать между собой субъекта, действующего интенциально по отношению городскому пространству и содержащимся в нем объектам в соответствии с субъективными смыслами, социальные факты, конструируемые индивидами в своем повседневном бытии и оказывавшие на них обратное влияние, и пространство, воспринимаемое не только как физическое, но и как сетевое.

Дальнейший анализ философских оснований городских исследований, в частности анализ городского пространства, должен существенно обогатить как урбанистическую теорию, так и социологию города, создать для нее более прочную методологическую базу, фундамент для сближения различных подходов и дисциплин, занимающихся изучением города. Выбор же предельно общего, общенационального, философского подхода к пространству будет зависеть от тех аспектов, которые являются ключевыми для каждого исследования в каждом конкретном случае.

Список литературы

1. Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 520 с.
  2. Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008. 285 с.
  3. Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география / пер. с англ. С.П. Баньковской // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1, № 2. С. 26–47.
  4. Декарт Р. Первоначала философии. 1644 // Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 352–357.
  5. Ньютона И. Математические начала натуральной философии. М.: Наука, 1989. 688 с.
  6. Вахштайн В. Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. 2014. № 2. С. 9–38. URL: <http://socofpower.rane.ru/2-2014-ot-megalopis-a-k-geteropolisu> (дата обращения: 20.02.2016).
  7. Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира // Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 2. 510 с.
  8. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 3. 799 с.
  9. Бейдаш Ю.А. Анализ пространства в феноменологии Эдмунда Гуссерля и Мориса Мерло-Понти // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 4(28). С. 211–218.
  10. Лейбниц Г.В. Переписка с Кларком // Сочинения: в 4 т. М.: Мысль. 1982. Т. 1. 636 с.
  11. Ухтомский А.А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с.
  12. Михельсон М.О. Пространство и время городской культуры: проблема соотнесения принципов диахронии и синхронии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. Т.1, № 18. С. 66–70. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvo-i-vremya-gorodskoy-kulturyproblem-sootneseniya-printsipov-diachronii-i-sinchronii> (дата обращения: 12.09.2017).
  13. Линч К. Образ времени // Образ города. М.: Стройтель, 1982. 328 с.
  14. Lofland L. The Public Realm: Exploring the City's Quintessential Territory. N.Y., 1998. 326 p.
  15. Ло Дж. Объекты и пространства // Социология вещей / под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего. 2006. С. 233–244.
- derstand the space]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011, 520 p. (In Russian).
2. Filippov A.F. *Sotsiologiya prostranstva* [Sociology of space]. Saint Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2008, 285 p. (In Russian).
  3. Verlen B. *Obshchestvo, deystvie i prostranstvo. Al'ternativnaya social'naya geografiya* [Society, action and space. Alternative social geography]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological review]. 2001, vol. 1, no. 2, pp. 26–47. (In Russian).
  4. Descartes R. *Pervonachala filosofii. 1644.* [Principles of Philosophy. 1644]. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Mysl' Publ., 1989, vol. 1, pp. 352–357. (In Russian).
  5. Newton I. *Matematicheskie nachala natural'noy filosofii* [The Principia: Mathematical Principles of Natural Philosophy]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 688 p. (In Russian).
  6. Vakhstain V. *Peresborka goroda: mezhdu yazykom i prostranstvom* [Reassembling the City: Between Language and Space]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. 2014, no. 2, pp. 9–38. Available at: <http://socofpower.rane.ru/2-2014-ot-megalopis-a-k-geteropolisu> (accessed 20.02.2016). (In Russian).
  7. Kant I. *O forme i principah chuvstvenno vosprinimaemogo i umopostigaemogo mira* [On the form and principles of the sensible and the intelligible world]. *Sochineniya: v 6 t.* [Works: in 6 vols.]. Moscow Mysl' Publ., 1964. vol. 2, 510 p. (In Russian).
  8. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. *Sochineniya: v 6 t.* [Works: in 6 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1966, vol. 3, 799 p. (In Russian).
  9. Biedash Yu.A. *Analiz prostranstva v phenomenologii Edmunda Gusslerya i Morisa Merlo-Ponti* [Space analysis in Edmund Husserl's and Maurice Merleau-Ponty's phenomenology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal Of Philosophy Sociology And Political Science]. 2014, no. 4(28), pp. 211–218. (In Russian).
  10. Leybnits G.V. *Perepiska s Clarkom* [The Leibniz-Clarke Correspondence]. *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1982, vol. 1, 636 p. (In Russian).
  11. Ухтомский А.А. *Dominanta* [A Dominant]. Saint Petersburg, Peter Publ., 2002, 448 p. (In Russian).
  12. Michelson M.O. *Prostranstvo i vremya gorodskoy kultury: problema sootnosheniya printsipov diachronii i sinchronii* [Space and time of urban culture: the problem of correlating principles diachrony and synchrony]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*

Получено 03.10.2017

References

1. Trubina E.G. *Gorod v teorii: opyty osmysleniya prostranstva* [A city in theory: experiments to un-

- im. A.I. Gercena [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences]. 2006, vol. 1, no. 18, pp. 66–70. Available at:
<http://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvo-i-vremya-gorodskoy-kulturyproblema-sootneseniya-printsipov-diahronii-i-sinhronii> (accessed 12.09.2017). (In Russian).
13. Lynch K. *Obraz vremeni* [The image of time]. *Obraz goroda* [The image of the city]. Moscow, 1982, 328 p. (In Russian).
14. Lofland L. *The Public Realm: Exploring the City's Quintessential Territory*. New York, 1998. 326 p. (In Russian).
15. Law J. *Ob'ekty i prostranstva* [Objects and Spaces]. *Sociologiya veshhey* [Sociology of Things]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2006, pp. 233–244. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 03.10.2017

Об авторе

Прокофьева Алена Викторовна
старший преподаватель кафедры социологии
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: prokofyeva.alena@gmail.ru
ORCID: 0000-0001-6199-3219

About the author

Prokofyeva Alyona Victorovna
Senior Lecturer of the Department of Sociology
Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: prokofyeva.alena@gmail.ru
ORCID: 0000-0001-6199-3219

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Прокофьева А.В. О возможности использования субстанциональной, реляционной и эпистемологической концепций пространства в социологическом анализе города // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып.4. С. 604–613. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-604-613

Please cite this article in English as:

Prokofyeva A.V. Absolute, relational, and epistemological conceptions of space and their use for the sociological analysis of a city // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 4. P. 604–613.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-604-613